

С этого номера мы начинаем публиковать переводы коротких заметок, написанных Станиславом Лемом в 90-е годы для разных изданий. Все знают Лема как автора научной фантастики — его книги столь часто цитируются и упоминаются в разных текстах, что увернуться от этого знания не получится. Кое-кто согласится, что этот автор отметился во многих жанрах, но уж совсем немногие знают, что пан Станислав, как фамильярно-почтительно называют его фанаты, был еще и философом, и, как говорится, «не из последних». По крайней мере, философский истэблшмент после кряхтений признал-таки его за своего, но не сразу — потому что Лем писал не так, как принято, и не рвался в ряды. Но и это не все. После возвращения в Польшу в 1988 году Лем перестал писать художественные произведения и неоднократно объяснял причины этого: «Перестал писать, когда заметил, что то, к чему я с легкостью относился как к фантазии, проявилось в реальности, конечно, не в идентичном плодам моего воображения виде, но в подобном им. Я решил, что нужно сдержаться, ибо еще додумаюсь до чего-нибудь такого, что мне уже совершенно не будет нравиться». Перестав писать беллетристику, Лем плодотворно занялся философией и публицистикой, заслужив звание «краковского оракула», знающего все и имеющего обо всем собственное мнение. В различных периодических изданиях регулярно выходили статьи и заметки на научно-технические, философские, литературные, политические темы. Он написал их более тысячи и большинство не публиковалось на русском языке.

Переводы сделаны **Владимиром Борисовым**, занимающимся этим благородным делом давно и с любовью, и публикуются с любезного разрешения правообладателей.

Короткое замыкание

Часто по ночам мне не спится — эта бессонница несомненно вызвана возрастом — и у меня есть спутниковая антенна, так что я спускаюсь вниз, в гостиную, и пытаюсь найти на каком-нибудь канале что-нибудь невинное. Но оказывается, что во втором, третьем, четвертом часу ночи из экрана вылетают главным образом окровавленные трупы. Огромное количество этих трупов свидетельствует об общем представлении господ менеджеров мирового телевидения, что без трупов и без смерти вообще ничего интересного показать нельзя. Если днем, хоть и довольно редко, еще могут показать какой-нибудь музей, какой-нибудь Египет и что-нибудь в этом роде, какую-нибудь мумию, то по ночам все безудержно режут друг друга. Это то, к чему нас помаленьку приучило телевидение, а потом все удивляются, почему дети стреляют в детей, почему мальчик стреляет в папу и так далее. Просто таким становится тот, кто постоянно смотрит телевизор.

Я вспоминаю об этом, потому что сейчас много пишут о планируемой

с огромным размахом информационной электронной сфере. За атмосферой будет вращаться кольцо спутников связи, что позволит каждому, у кого есть телевизор, телефон или личный компьютер, устанавливать связь с любым другим человеком в мире. Каждый желающий сможет выбрать себе из мировой фильмотеки любой фильм для просмотра и вообще все можно будет заказать моментально. Если, к примеру, я захотел бы сейчас непременно поговорить с каким-нибудь пигмеем или рыбаком из Новой Зеландии или спросить, как себя чувствует тетка того господина, который сидит в Антарктиде и изучает там глубину ледового покрова, — то пожалуйста!

Так вот, я должен сказать, что мои интересы гораздо скромнее, меня не интересует ни та тетка, ни тот рыбак. Подобная картина меня, скорее, пугает, потому что у меня и без этой прекрасной технологии полно забот, вызываемых, например, облием почты. Люди, если политкорректно сказать по-американски, ина-

че устроенные в умственном отношении, заваливают меня необычайно важными по их мнению сообщениями о марсианах и других удивительных делах. Любопытно, что сфера безумия очень жадно ассимилирует и поглощает новинки, в том числе и технологические, а потом их как-то вырожденно преобразует, извращает. Отсюда берутся разные навязчивые идеи у обычных людей, всеобщие лучи смерти и так далее, и тому подобное. Так что признаюсь, что если бы, не дай Бог, я стал обладателем такого приемника или перехватчика этих различных информационных услуг, то прежде всего постарался бы выяснить, как можно от него обособиться и где у него выключатель...

Ведь какую пользу станут извлекать из такой глобальной информационной сети? Во-первых, девяносто процентов американцев захотят смотреть бейсбольные розыгрыши, а вот какого-нибудь Лоренса Оливье в «Гамлете» или прочем «Отелло» — вряд ли... Столь неслыханно усовершенствованная связь не может сама по себе усовершенствовать вкусы широкой публики. Я бы скорее опасался, что она будет их унифицировать. И не только это: приватность, полная приватность также может стать угрозой. Не хочу быть вульгарным, но если кто-то остается совершенно один со своими вожделениями и ощущает, что может совершенно безнаказанно давать выход своей энергии, смотреть и переживать, что захочет, то вполне возможно, что он пожелает совершать благодаря этой электронике преступления *in effigie*, то есть виртуально, и это будет его увлекать гораздо сильнее, нежели исследование трудов Спинозы. Я опасаюсь, что в этом новом мире потребность в произведении философов будет крайне, крайне низкой.

Так что эти, прекрасно измышленные человеческим разумом инструменты будут служить низким инстинктам. А с другой стороны: если бы мы захотели сверху вмешаться в эти вкусы, то уже само слово цензура вызывает страшные опасения, ибо непонятно, как можно

управлять этими вкусами? Мне кажется, что идея глобальной электронной сферы, короткого замыкания всех со всеми уже в предпосылках скрывает в себя различные пагубные возможности. Это могут быть новые области и новые пространства преступности. Разные гангстеры и черт знает кто еще будут пользоваться этой сетью, чтобы облегчить себе возможность договориться и действовать сообща. Изобретательность людей в области Зла, к сожалению, ужасна, чудовишна и многомерна. Когда я в шестидесятые годы писал «Сумму технологии», то ее героя условно назвал Конструктором, но это был человек рациональный, и не знаю почему, но мне и в голову не приходило, что он будет с огромной страстью заниматься чем-то таким, что могло бы ужаснуть добродушного Фантомаса.

Если о таких явлениях долго говорят, как о некой абстракции, которая может находиться где-то там, за хребтом столетий, лишь как чистая, потенциальная, вовсе не обязательно осуществляющаяся возможность, то человек не ощущает непосредственной угрозы и воспринимает ее как сказку о железном волке. Тем временем — все начинается с мелочей, к сожалению, так это выглядит — люди заражают друг друга привыканием к необыкновенному. Примерно так: если можно, то попробуем... и бесчеловечное становится вдруг обыденным.

Я смотрю на все это так пессимистично, поскольку через стеклянный экран добирается ко мне этот кровавый экстракт, экстракт всех раздавленных тел и трагических явлений в мире. Я не вижу смысла в увеличении этого потока, ведь наша способность воспринимать информацию ограничена, то есть мы можем понимать, сопереживать и спонтанно реагировать на муки, голод, беды одного или другого, пятнадцати или ста людей, но сказать, что сто миллионов страдает, это то же самое, что сказать — три миллиарда. Явление гает в цифрах и перестает что-либо означать.

Опубликовано в 1995 году